

и сердцахъ такихъ людей, часто молодыхъ, которые, я самъ слыхалъ, съ видомъ глубокомысленной практической мудрости говорятъ, что мужика нельзя не стѣчь и что для мужика это лучше.

Вотъ этихъ-то людей больше всего жалко за то озвѣреніе, въ которое они впади и въ которомъ косятъ.

И потому освобожденіе русскаго народа отъ развращающаго вліянія тѣлеснаго наказанія, со всѣхъ сторонъ—дѣло огромной важности. И освобожденіе это произойдетъ не тогда, когда будутъ изъяты отъ тѣлеснаго наказанія кончившіе курсъ или еще какіе-нибудь изъ крестьянъ, или даже всѣ крестьяне, за исключеніемъ хотябы одного, а только тогда, когда *всѣ* признають свой грѣхъ и смиренно покаются на немъ.

Левъ Толстой.

14-го декабря 1895 г.

ИЗЪ РУССКИХЪ ИЗДАНІЙ.

Женщина въ новомъ разсказѣ г. Чехова.—Психологія каторги.—Красота въ природѣ и религіи.—Наша благотворительность.—Переселенческая нужда.—Екатерина II въ Россіи до перепорога.

Женщина—очень богатая тема для разсужденій. Г. Чеховъ, или герой его новаго разсказа «Ариадна», напечатаннаго въ декабрьской книжкѣ «Русск. Мысли», находитъ, что «когда русскіе сходятся, то говорятъ только о высокихъ матеріяхъ и женщинахъ». Можетъ быть, это правда, но говорятъ мало лестнаго и пріятнаго для женщинъ. Разсказъ г. Чехова тоже проникнутъ пессимистическимъ отношеніемъ къ нимъ. «Женщины лживы, мелочны, суетны, несправедливы, неразвиты, жестоки»... Но и мужчины, выведенные въ разсказѣ, заставляютъ думать не лучше и о другой половинѣ человѣческаго рода. Г. Чеховъ—пессимистъ, притомъ русскій. Жизнь, подъ угломъ его зрѣнія,—скорѣе несчастье, чѣмъ счастье, и если скрашивается чѣмъ, то развѣ поэзіей природы. Но рокъ, тяготящій надъ героями его произведеній,—не тотъ всемогущій фатумъ, который ведетъ человѣка къ

гибели наперекоръ всѣмъ усиліямъ его ума и воли, а просто наша русская безпутная судьба, слагающаяся изъ нашей-же распущенности, вялости и безволія. Одинъ изъ такихъ людей, Шамохинъ, познакомившись на пароходѣ съ писателемъ, отъ лица котораго ведется разсказъ, посвящаетъ его въ свой «послѣдній» романъ. «Надо воспитывать женщину такъ, чтобы она умѣла, подобно мужчинѣ, сознавать свою неправоту, а то она, по ея мнѣнію, всегда права», поясняетъ свой разсказъ Шамохинъ.

Ариадна—сестра его сосѣда по имѣнію, необыкновенно красивая, обаятельная дѣвушка. «Она была ласкова, разговорчива, весела, проста въ обращеніи, поэтично вѣрила въ Бога, поэтично разсуждала о смерти, и въ ея душевномъ складѣ было такое богатство отгѣнковъ, что даже своимъ недостаткамъ она могла придавать какія-то милыя свойства. Такъ, она не понимала, что значить нельзя, и если, бывало, захочетъ чего-нибудь, то не слушаетъ никакихъ разсужденій, а только глядитъ вамъ черезъ плечо куда-то въ пространство и напѣваетъ что-то вполголоса, точно не слышитъ. Ужъ если захотѣла, то подавай ей тотчасъ-же, во что-бы ни стало... Положимъ, понадобилась ей новая лошадь, а денегъ нѣтъ,—ну, что-же за бѣда? Можно продать что-нибудь или заложить, а если прикашикъ божится, что ничего нельзя ни продать, ни заложить, то можно содрать съ флигелей желѣзныя крыши и спустить ихъ на фабрику, или въ самую горячую пору погнать рабочихъ лошадей на базаръ и продать тамъ за безцѣнокъ». Въ этихъ немногихъ чертахъ уже опредѣленный, хотя и несовсѣмъ обаятельный типъ; но молодой человѣкъ пока идеализируетъ пустую и ничтожную женщину, хотя страсть не можетъ заставить его повѣрить въ ту «симуляцію» любви, какою, по его мнѣнію, пыталась обмануть его Ариадна. Ей хотѣлось любить, хотѣлось его слѣпой любви, а онъ, даже влюбленный и ослѣпленный, чувствовать холодъ ея любви «на разстояніи». Онъ не разъ видѣлъ, какъ она плакала, но объяснять это глѣтъ, что она «сама чувствовала, что у нея не хватаетъ пороку». Однажды она вдругъ обняла его порывисто и поцѣловала, но онъ и тутъ почувствовалъ «холодъ». Впрочемъ, онъ готовъ былъ примириться и съ этимъ, но, какъ гоголевскій Подколесинъ, медлитъ съ женитьбой. «По всей вѣроятности, говоритъ онъ,—прошолъ-бы еще годъ-два,—

и я женился-бы на ней, тѣмъ и кончилась-бы эта исторія». Помѣшала судьба. Ариадна бросается на шю первому попавшемуся, Лубкову, цинику, не имѣющему никакого уваженія къ женщинѣ. Онъ «интересенъ», притомъ она жалѣетъ его: «Жена и мать высасываютъ изъ него послѣднѣе соки... Бѣдный Лубковъ! вздыхала Ариадна.—Бѣдный Лубочекъ!» Они сошлись и уѣхали за границу, откуда черезъ нѣсколько времени Ариадна писала оставшемуся «съ треугольнымъ камнемъ въ груди» Шамохину, что соскучилась по его «красивымъ, умнымъ, влюбленнымъ глазамъ», и звала его, подписываясь «брошенная вами Ариадна».

Эти письма, «деревенская скука, длинные вечера, тягучія мысли насчетъ Лубкова» заставляютъ Шамохина бросить все и ѣхать въ Аббацію, гдѣ жила Ариадна. Происходитъ необыкновенно радостное свиданіе. Но идеализмъ почти 30-лѣтняго человѣка продолжаетъ отождествляться съ наивностью ребенка. Лубковъ и Ариадна живутъ въ разныхъ этажахъ, она говоритъ ему «ви» и прощается съ нимъ какъ съ Шамохинымъ,—значитъ, весьма возможно, что «никакого романа у нихъ нѣтъ». Встрѣчаясь съ Лубковымъ, Шамохинъ «чувствуетъ себя легко» и даетъ ему въ долгъ деньги «съ большимъ удовольствіемъ». Лубкову, въ свою очередь, по самому свойству его натуры, не можетъ придти въ голову, что его связь съ Ариадной все еще тайна для Шамохина. И вошь они проводятъ время втроемъ, вмѣстѣ ѣдутъ въ Италію, ходятъ по выставкамъ, и Шамохинъ отъ времени до времени телеграфируетъ отцу объ мгновенной высылкѣ денегъ, которыми онъ дѣлится съ вѣчно безденежнымъ Лубковымъ. Наконецъ, однажды Лубковъ, сообщивъ ему, по обыкновенію, о своихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, вѣроятно, чтобы еще болѣе разжалобить его, поясняетъ: «Ариадна, точно ребенокъ, не хочетъ войти въ положеніе и сорить деньгами какъ герцогиня... И скажите, для чего это намъ продолжать разрывавъ изъ себя какихъ-то паничекъ? Вѣдь то, что она и я скрываемъ отъ прислуги и знакомыхъ нани отношенія, обходится намъ въ сутки лишніе 10—15 франковъ, такъ-какъ я занимаю отдѣльный номеръ». Шамохинъ похолодѣлъ. А Лубковъ между тѣмъ продолжалъ свои жалобы: «Сходиться съ женщиной легко: стоитъ только раздѣть ее, а потомъ какъ все это тяжело, какая срунда!» И тутъ-же

выпросилъ у Шамохина тысячу франковъ. Шамохинъ поспѣшилъ распрощаться съ Ариадной. «Зачѣмъ... зачѣмъ вы выписали меня за границу?» спросилъ онъ ее, дрожа всѣмъ тѣломъ. Она отвѣчала: «Я хочу, чтобы вы были тутъ. Вы такой чистый!..»

Шамохинъ уѣхалъ. Снова потянулись для него дни душевной пытки, а когда прошла зима, и ему было хотя еще грустно, но уже «по-весеннему», и онъ начиналъ мириться съ потерей и принялся за работу, неожиданное письмо изъ Италіи, отъ Ариадны, опять «сорвало его съ якоря». Она умоляла его пріѣхать и спасти ее. Когда онъ явился, она зарыдала и бросилась ему на шею. Лубкова не было. «Не напоминайте мнѣ про эту тварь! крикнула она.—Онъ мнѣ противенъ и гадокъ.—Но вѣдь вы, кажется, любили его?—Никогда! На первыхъ порахъ онъ казался оригинальнымъ и возбуждалъ жалость—вотъ и все». Шамохинъ занялъ мѣсто Лубкова и, «по крайней мѣрѣ, съ мѣсяцъ былъ какъ сумасшедшій, испытывая одинъ восторгъ». Но мало-по-малу онъ сталъ относиться къ своему положенію сознательно и понимать Ариадну, сталъ задавать себѣ вопросы: «Для чего ей даны Богомъ эта необыкновенная красота, грація, умъ? Неужели для того только, чтобы валяться въ постели, ѣсть, лгать и лгать безъ конца? И въ этомъ обжорствѣ, въ лукавствѣ, въ желаніи постоянно нравиться, говорить Шамохинъ,—я видѣлъ печальное явленіе атакизма. Передо мной была лукавая раба, ведущая подпольную борьбу съ своимъ притѣснителемъ мужчиной,—это была женщина каменнаго періода или свайныхъ построекъ. И въ умственномъ отношеніи тоже это была настоящая дикарка... Она была умна, очень хитра, находчива, но не развита. Спорить съ ней было невозможно, потому-что логически мыслить она не умѣла». Въ концѣ-концовъ оба надоѣли другъ другу, но, возвращаясь съ ней въ Россію, Шамохинъ считаетъ себя «по принципѣ» обязаннымъ на ней жениться. Впрочемъ, въ Крыму они встрѣчаютъ давно и страстно влюбленного въ Ариадну князя Мактуева, и Шамохину явилась надежда сблизить ее съ рукъ.

Рассказъ написанъ съ обычнымъ талантомъ г. Чехова, хотя излюбленная имъ форма небольшихъ рассказовъ заставила его слишкомъ сжать этотъ маленькій романъ.